

Анатолий Можаровский

**ИМИТАЦИЯ
(Хроники цивилизации
Лугандон)**

Киев
2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.
Имитация. *Повесть*. — К.: ВПЦ «Київ-
м75 ський університет», 2016. — 128 с.
ISBN 978-966-439-880-7

“Имитация” — острая сатира на “цивилизацию
Лугандон”, в которую превращается наш бездуховный
и охваченный жаждой безудержного обогащения мир.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Ответственный редактор
Михайло МАЛЮК

В оформлении книги использованы фотоработы
Михайла МАЛЮКА

ISBN 978-966-439-880-7

© Можаровский А.И., 2016.
© Урбанская С.Г., художественное
оформление, 2016.

I. ПОЭТ ИЗ ЛУГАНДОНА

Я родился ещё при Советском Союзе, а, скорее, в самый пик его расцвета. Рос, учился и очень рано начал писать стихи. Меня заметили еще в детском саду. Очень радовались моим первым поэтическим строчкам.

А после распада СССР я остался в Доне́цке. Работал заместителем главы Союза писателей империи Ахметки.

Одновременно был его пресс-аташе. Писал стихи для песен Капиздона, Киркора и других очень великих мегазвезд страны и всего пространства. У нас в угольном бассейне был квартет или четверка певцов, которые превзошли “Битлз”. Это Капиздон, Киркор, Кашпер и Чумак Алан.

Как раз был создан Лугандон, и после референдума одобрения и коленопрекло-

нения стране пели квартетом мою песню “У мартена и террикона страна наша родная”. Президенты Захарченко и Плотницкий подпевали им и нам.

Мне тогда великодержавный президент Великороссии Владъ Путінъ дал орден на красной ленте, такой большой, из серебра и в позолоте.

Сразу после этого я провёл ночь в гостях у прокурорши Крыма. Утром ордена на мне не было, а красная лента висела на её красивой попе набедренной повязкой. Она не прикрывала ничего. Я очень сильно завёлся. Да провались тот орден и та лента! А эти штучки мне в радость.

Через час мы лежали уставшие на веранде. Я еле дышал, но ещё был живой. А прокурорша, полежав минутку, ушла готовить кофе и варить обед.

Зазвонил телефон. Большой, белый, с гербом Крыма. Она долго стояла, как струна на вытяжке, и то краснела, то бледнела.

— Есть, товарищ генерал! Есть, товарищ генерал!

Это было немного смешно: обнаженная женщина с огромной трубкой правительственного телефона поглаживает рассеянно кудряшки внизу живота — генерал на связи...

Я понял, что пахнет жареным. Когда любимая положила трубку, я спросил: что случилось?

— Да в Украине против меня возбудили уголовное дело за измену Родине и вызывают к Генпрокурору.

— Да плюнь и разотри! — отмахнулся я.
— Там — понты. Всех судят, всех пугают, а в тюрьмах одни дураки, вернее, простаки из народа. Я попрошу лугандонский государственный квартет, они тебе помогут.

— А как Капиздон может помочь?

— Так, как и всем помогает. Он друг всех стран и народов. Он на сцене уже 250 лет. Завтра, кстати, будут праздновать этот юбилей.

От счастья она бросилась мне на шею. Я уже почти выдохся, но целовал и ласкал свою красавицу. По телевизору шел концерт “Песня года — 2015”.

На сцену выходили один за другим мегазвезды: то Малинов, то Аллегра, то Петросян с женой, то Задор без жены, но с микрофоном...

Они пели славу нашему оружию, рабоче-крестьянской армии и руководству Велико- и Новоросии.

А я улетаю в оргазмах и уводил с собой прокуроршу Крымнаша. Она стонала, плакала, рыдала и просила еще...

А что я мог?

В голове пошли строчки новых поэзий о Лугандоне и его тружениках, идущих под Ахметкой к великим стахановским победам в труде на благо страны и мира.

А где-то недалеко стреляли пушки, ревели танки, кричали командиры. Но победа над хунтой фашистов в Киеве не наступала. Наступал зимний холод, новые вы-

сокие тарифы и всеобщий писец по миру.

Великая Британия выходила, или пыталась выйти, из Евросоюза, чтобы наши боевики не проникли под её корону и кто-то из наших не стал королём на Лондоне.

Я медленно совершал любовный акт и мечтал о союзе Лондона и Лугандона и о славе нашей лугандонской четвёрки. Я же их поэт. Великий! Как Капиздон и Киркор...

Вдруг она слетела с меня и убежала. Я смотрел в небо. Вспомнил вдруг Цоя и Талькова. Их убили за ихние стихи, освободив пространство России всем остальным, типа Капиздона...

Что-то заняло в моей груди.

Пушки палили в сторону Украины.

В телевизоре смешалась картинка. Вульв Жироебиновски и Захар Плотницкий о двух головах и одним туловищем складывали в гробы убитых солдат и офицеров. Часть откусят, а часть — в гроб, а больше в сумку — на Москву...

Е-моё! Мне стало плохо.

Я обблевал всю постель, и долго не знал, что делать. А потом пошёл на фронт, чтобы затем сдаться украм.

Сейчас я в Киеве. Оказалось, что я и не поэт. Работаю на электростанции Ахметки. Здесь тоже Ахметка, как и в Лугандоне. Он везде.

А меня уже нет...

01.07.2016.

II. МИЛИЦИОНЕР ИЗ ЛУГАНДОНА

После установления народной советской власти на Донбассе, я получил повышение.

При Украине я был участковым, а тут сразу стал начальником спецуправы.

Я верой и правдой служил Новороссии. Арестовывал патриотов Украины, вспарывал им живот и топил в водоёмах.

Отрезал пальцы, сдирал кожу с татуировками украинской символики.

Убил не одного. А некоторых вешал без суда и следствия.

Лугандон становился сильной державой. С нами считалась уже Европа и Америка. И однажды в Кремле нам говорят, что, мол, будет парад или марш ЛГБТ обществу и я его должен охранять.

— А что это? — спросил я.

— Это — лесбиянки, геи, бисексуалы и трансвестисты.

— Да не буду я это охранять! — прохрипел я начальнику в лицо.

— Будешь! — рявкнул он. — Нужно вставить Запад!

И вот в воскресенье, в центре Донецка, я выставил двадцать танков и ракетную установку “Бук”.

На “Буке” сидел сам министр обороны Шойга. Чуть пьяный и обкуренный.

На парад вышел Вульв Жироебиновский. Ему пришпандёрили женскую грудь, одели парик блондинки, сделали грим. Красивое платье, французские туфли, парфумы и бижутерия.

Рядом с ним шел ополченец, русский герой Моторолла.

Шло много общества ЛГБТ. Я был поражен. Сколько убили люду, а этих — тысячи, и все счастливы.

Вульв Жироебиновский еле ноги волочил. Старый, больной, а тут — жара, солнце.

По дороге Моторолла начал нервно дергаться, прыгать, потом схватил Вульва и потащил в подворотню.

Пока мы из-за танков и зевак на тротуаре прорвались туда, то увидели картину: у Вульва сорвана резиновая грудь и Моторолла его насилует. Я поднял руку. Мои менты застыли. Через несколько минут Вульв и Моторола отпрянули друг от друга.

Вульв ревел как бугай, а Моторолла рвал ему волосы и целовал в засос.

Я очумел. И тоже захотел таких страстей. Посмотрел на своих ментов, а они уже раздевали друг друга и рычали как псы.

Я заорал, но на меня никто не обратил внимания.

А в это время шпионы киевской хунты снимали все на видео.

Качаясь, я вышел на проспект. Парад подходил к концу.

На асфальте валялись презервативы, многие бэушные, помада, вазелин и поче-

му-то конфеты известной шоколадной империи из Липецка.

Вечером на совещании у президента Захара Плотницкого Вульв Жироебиновский и Моторолла сидели рядышком и выглядели очень счастливо.

Вульв целовал Моторолле ушко и вытирал пыль на орденах и медалях.

Одна голова президента говорила о параде, а другая о войне, которая, типа, гражданская.

А во дворе палили “Грады” в сторону Украины. Русские офицеры и солдаты не жалели огня.

Военная голова президента давала приказ из окна. Офицер вдруг послал голову нахер.

Я опешил.

Президент встал с кресла, подошел к зеркалу и причесал обе головы. Одна была лысоватая и мордатая, восточной внешности. Другая — обыкновенная, простоватая, ничем не приметная.

“Как он баб трахает? — подумал я. — Одно туловище и две головы...”

И тут до меня дошло: это ведь Вольдь Путінъ такое сотворил в русской медицине! Из двух, типа, людей сделал одного. И все привыкли к этому презу. И его внешнему виду.

Теперь головы больше молчали, потому что рядом ходил российский офицер и лупил по яйцам, если головы говорили не синхронно или что-то не то.

Я думал о планах на ближайшие дни: завтра мы должны были арестовать сто проукраинцев и три дня пытать. Потом — выходной.

В это время шеи президента вытянулись и головы слились в поцелуе. Они таяли, стонали, а мы покорно ждали конца аудиенции...

Ночью меня украл украинский спецназ.

Сейчас я в украинской тюрьме. Учужу феню и говорю, что я политический заключенный. Следователи мне верят, омбуд-

смены очень переживают за моё здоровье.
Даже постель проверяют, как Ленин когда-то у Горького, чтобы простыни не были влажные и были чистые.

Меня помилуют...

02.07.2016.